

шение числительных: «ordinalia: prvi, drugi, tretí, czeturty, piati, schesti, sedmi, osmy, dewaty, desiaty, perviinadeset . . . dwadesaty», «numeralia: pervoi, drugoi, try, czatyry . . . dvanacet, szetrnacet . . . dvanosto, tisiscze». Нетрудно видеть, что Давид допускает тут целый ряд ошибок, отчасти под влиянием своего родного, чешского, языка («devaty», «dvanacet» и т. п.). Особо outstandingается Давид на объяснении способов обозначения больших чисел: «тьма» (десять тысяч), графически изображаемая — по числу тысяч — буквою «а», «в» и так далее в кружке; далее, сто тысяч обозначается буквою «а» в кружке из точек и т. д.; миллион русские обозначают словом «легион», что графически изображается буквами алфавита в кружке пунктиром и т. д.; десять миллионов называется «вран», десять вранов — «dicitur koloda» и графически изображается условным рисунком колоды. Числа более высокие у русских уже не обозначаются (*ultra quem numerum non proceditur*).

В конечном итоге тот, кто обратился бы к Букварю Давида для ознакомления с начатками русской грамматики, мог, с одной стороны, получить известное представление о русском письме, с другой — представление о некоторых основных особенностях и формах русских склонений и русского счета. Для овладения русской речью этого было, конечно, слишком мало. Давид не сообщал ничего ни о такой основной части речи, как глаголы, ни об особенностях русского словосочетания, ни о русском произношении. Давид действительно дал только самые элементарные сведения для ознакомления с некоторыми сторонами русской речи и письма.

Давид не был, как он сам об этом говорит, самостоятелен в своей работе; он только переработал материал использованных им пособий — какой-то «Azbuk seu Alphabetarium», «grammaticam fusam, sola lingua Ruthenica editam», рекомендованной ему Спарвенфельдом. Уже Дурих в конце XVIII в. догадывался, что тут имеется в виду грамматика Мелетия Смотрицкого, изданная, как известно, впервые в 1618 г. и затем, после нескольких переизданий в Западной Руси, перепечатанная в Москве в 1648 г.²³ Скорее всего именно этим изданием и пользовался Давид. Он критически относился к некоторым сведениям этой грамматики и даже в своих заметках о склонениях смело называл ее полной ошибкой (*mendosa*), путаной (*confusa*) и малопригодной к употреблению. Мы не знаем точно, что не нравилось Г. Давиду в грамматике Смотрицкого и какие именно ошибки или неисправности находил он в ней. Однако сам Давид все же заимствовал основной материал для своего Букваря у Смотрицкого. Он взял из обширной книги Смотрицкого, правда, очень немного в смысле объема, только то, что представлялось ему нужным для введения читателя в круг самых элементарных знаний русского языка и письма. Так, он усвоил от Смотрицкого и число падежей (семь), и число склонений (пять). Во всяком случае в этих пунктах у Давида нет ничего общего с более ранней (1590 г.) грамматикой Зизания Тустановича, указывающего 4 падежа, 10 склонений и т. д.²⁴ Впрочем, в отличие от Смотрицкого Давид относит к первому склонению только слова на «а» и «я», у Смотрицкого же есть еще окончание «и». В большинстве приводимые у Давида примеры склонений имеются и у Смотрицкого, исключения составляют лишь примеры по первому склонению и один пример склонения четвертого — «злодей» вместо «любодей» Смотрицкого. От Смотрицкого взял

²³ А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958, стр. 87, № 206.

²⁴ Ср.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, I. СПб., 1904, стр. 174 и сл.